

А. М. Грачева
(ИРЛИ РАН)

Забытый роман о русской революции 1917 года («Собачья республика» Ив. Ф. Наживина)

« Поезд стоял уже около перрона <...> Мимо Никиты проходил какой-то старенький сановник с портфелем под мышкой. <...> Никита <...> зацепил его своей клюшкой за шею... Это был обычный для его высочества способ шутивно выражать сановникам свое высочайшее расположение. <...> Прогуливавшийся тут же Витте со своим кривым носом, ненавидевший Никиту, потихоньку уговаривал себя не забыть внести этот эпизод в свои записки, которые он хранил от излишнего любопытства своих августейших повелителей за границей. <...> Могучий „Лебедь“ <...> вдруг приподнялся на задние лапы и положил передние на грудь Никиты: ну, приласкай же меня!.. Никита от ярости прямо осатанел: „Лебедь“ запачкал его мундир с золотыми шнурочками. Он бешено оттолкнул от себя сконфуженную собаку, с раздувающимися ноздрями выхватил саблю и — одним ударом раскроил ей череп... <...> Все, стараясь не смотреть на разгневанное высочество, торопливо скрывались в шикарные вагоны. <...> За станцией, на мостовой, стыл окровавленный белый „Лебедь“, равнодушно глядя в пустыню солнечного мира тускнеющими ореховыми глазами» (Наживин И. Ф. Собачья республика. Тяньцзин: «А. И. Серебренников и К^о», 1935. С. 156—159). — Контаминация вымысла и исторической реальности. Придуманый эпизод дополнен введением

в число его участников реального лица — С. Ю. Витте, в воспоминаниях неоднократно негативно оценивавшего поступки и личные качества прототипа героя Наживина — великого князя Николая Николаевича Романова («Младшего», 1856—1929). См.: «Другое лицо, которое во время моего министерства имело громадное влияние на Государя, было — Великий Князь Николай Николаевич. Влияние это было связано с особыми мистическими недугами, которыми заразила Государя Его Августейшая Супруга, и которыми давно страдал Великий Князь Николай Николаевич. Он был один из главных, если не главнейший, инициаторов того ненормального настроения православного язычества, искания чудесного, на котором по-видимому свихнулись в высших сферах (история француза Филиппа, Сормовского, Распутина-Новых и все это фрукты одного и того же дерева). Сказать, чтобы он был умалишенный — нельзя, чтобы он был ненормальный в обыкновенном смысле этого слова — тоже нельзя, но сказать, чтобы он был здравый в уме — тоже нельзя; он был тронут, как вся порода людей, занимающаяся и верующая в столоверчение и тому подобное шарлатанство. К тому же Великий Князь по натуре — человек довольно ограниченный и малокультурный» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. Царствование Николая II. Изд. 2-е. Берлин, 1922. Т. II. С. 79—80).

* * *

В период российской истории Нового времени собака была составной частью жизненного уклада большинства классов и слоев общества (крестьянства, дворянства, купечества, городского мещанства, рабочих, люмпенов). Ее образ нашел отражение в творчестве почти всех писателей-классиков: И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова...

Семантика и функции образа собаки в русской литературе бесконечно разнообразны. Однако существовала

особая область для ее художественного отображения — повествование о своеобразной ойкумене внутри Российской империи, где действовали свои законы и говорили на своем языке. Речь идет об универсуме охоты, равноправными обитателями которого были охотники и собаки. Говоря о традициях изображения этой сферы русской жизни, достаточно назвать такие знаковые произведения, как «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова (1852) и «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852). В настоящей статье остановимся на одном из аспектов этой многообразной темы, а именно на изображении русской псовой охоты. В русской литературе XIX века наиболее значимыми результатами ее художественного осмысления являются цикл рассказов Е. Э. Дряинского «Записки мелкотравчатого» (1860) и посвященные этой теме главы романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (1860—1861; Т. 2. Ч. 4. Гл. 2—7). Исследователь В. М. Гуминский отметил, что в рассказах Дряинского охота, «изменяя отношения между человеком и собакой, <...> преобразует и отношения между людьми. <...> Коллектив охотников — это своеобразная социальная утопия, первобытное братство людей перед лицом природы. <...> Мир охоты — только островок на необозримых пространствах русского мира, но этот островок несет в себе полную меру красоты и справедливости, непреходящая ценность которых лежит в основе всего мироздания».¹

У Толстого в «Войне и мире» в «универсум охоты», типологически сходный с особым пространством, представленным в рассказах Дряинского, включен и дом заядлого охотника — дядюшки молодых Ростовых. И знаменательно, что именно там Наташа Ростова импровизировала свой русский танец, осмысляемый автором как символ исчезновения социальных различий, как воплощение единого «народного духа», который в дальнейшем помог России победить в Отечественной войне 1812 года.

¹ Гуминский В. М. Предисловие // Дряинский Е. Э. Записки мелкотравчатого. М., 1985. С. 12—13.

Е. Э. Дряинский и Л. Н. Толстой — писатели, разно- великие по масштабу своего таланта. Но именно эти два литератора сумели почувствовать и художественно отобразить скрытую утопическую суть «мира русской охоты» как некой особой сферы, во многом альтернативной реальной России, где крепостные имели равные права с господами; где люди и собаки делали совместное, общественное дело. Вспомним, что на латинский язык понятие «общественное дело» переводится как «*gēs rūblica*» (республика).² В Древнем Риме это словосочетание значило — государство.

В многочисленных произведениях русской литературы собака чаще всего была одним из *объектов* рассказа. При этом в процессе психологизации повествования поведение ближайшего «друга человека» обретало в большей или меньшей степени «антропоморфный» характер. Значительно меньше художественных текстов, в которых собака представляла не как объект, а как *субъект* повествования; она наблюдала и осмысляла окружающий ее мир, и в том числе людей, и сама рассказывала об этом, используя категории и понятия своего видения и оценки. К таким произведениям можно отнести роман Ив. Ф. Наживина «Собачья республика» (создан: 1927; впервые опубликован на русском языке: 1935).

Чтобы понять причины появления в творчестве Ивана Федоровича Наживина этого произведения, надо пунктирно обозначить вехи его литературного пути и эволюции мировоззрения с начала творческой деятельности до второй половины 1920-х годов. При этом сразу же отметим, что ныне, спустя десятилетия забвения, научное исследование наследия этого писателя только начинается.

Иван Федорович Наживин (1874—1940) был сыном богатого купца-лесоторговца, вышедшего из крестьянского сословия. Писатель гордился своим происхождением,

² См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. 2-е изд. М., 1986. Т. 3. С. 474, 478.

всегда чувствовал близость к своим корням — к крестьянской жизни. С другой стороны, на формирование личности будущего писателя, в том числе и негативно, повлияла полная материальная обеспеченность, отсутствие нужды вести «борьбу за существование». После 4-го класса Наживин бросил реальное училище и впоследствии занимался самообразованием, слушая курсы лекций в иностранных университетах. Благодаря щедрой материальной помощи отца, он длительное время жил за границей, посещая Россию только наездами. Наживин был критически настроен по отношению к политическому строю на Родине, сотрудничал в демократических изданиях. В «Автобиографии» для Словаря С. А. Венгерова он писал: «Приблизительно с 1905 года деятельность моя в журналах и газетах почти сошла на нет: за мое резко отрицательное отношение к революции, — которая плоха потому, во-первых, что прибегает к безнравственным средствам, а во-вторых, потому, что не дает, да и нигде не давала никаких осязательных результатов, не свобода и равенство плохи, а то, что их революционным путем не достанешь, — меня отлучили от журнальной церкви и предали анафеме».³ В 1900-е годы Наживин познакомился с Л. Н. Толстым. Он неоднократно встречался с ним, печатался в издательстве «Посредник» и навсегда остался последователем идей «позднего» Толстого. Начало Первой мировой войны Наживин встретил за границей и возвратился в Россию только в 1916 году. Отношение литератора ко Второй русской революции и к Октябрьскому перевороту было негативным. С февраля 1917 года да и впоследствии Наживин считал главным виновниками свершившегося в России ее бездарных правителей. В 1918 году писатель вместе со своей семьей уехал на Белый юг, а с 1920 года жил в эмиграции.

Дореволюционная критика в целом очень сдержанно относилась к творчеству Наживина, считая его произведения

³ *Наживин И. Ф. Автобиография .<1913 г.> // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 2523. Л. 1.*

не литературой, а лишь «беллетристикой». И в эмиграции, несмотря на творческую плодовитость, Наживин оставался в некоей изоляции, не сумев (а впоследствии и не желая) влиться в литературную жизнь основных европейских центров России в изгнании. В связи с этим его художественные произведения оставались в основном незамеченными критикой или удостаивались немногочисленных, по большей части нелицеприятных оценок.⁴

При всех изменениях, которые претерпевали общественные, политические, эстетические воззрения Наживина, одной из главных констант его мировоззрения было пантеистическое отношение к природному миру и понимание человека как его части. Такие убеждения сформировались у писателя еще в детстве в контактах с крестьянами Владимирской губернии, а также в процессе постижения жизни сложной экосистемы — леса, ставшего источником богатства его отца. В дальнейшем сложившиеся взгляды были дополнены воспринятыми писателем идеями позднего Л. Н. Толстого. Отметим, что Наживин с молодых лет увлекался охотой, хорошо знал основанные на понимании и взаимовыручке взаимоотношения охотника и его товарища — собаки.

Если говорить о типологических предшественниках романа «Собачья республика», то это, прежде всего, роман современника Наживина — Анатоля Франса «Остров

⁴ См. подробнее: *Куденис В.* Иван Наживин в Бельгии // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 44. С. 196—199; *Трущенко Е. Ф.* Наживин Иван Федорович // Писатели русского зарубежья: В 3 ч. / Гл. ред. А. Н. Николюкин. М., 1994. Ч. 2. С. 139—143; *Полякова С. Г.* Наживин Иван Федорович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4: М—П. С. 216—218; М. Горький и И. Ф. Наживин. Переписка / Вступ. ст., публ. и примеч. Н. Н. Примочкиной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 617—664; [Б. а.] Наживин Иван Федорович // Российское зарубежье во Франции. 1919—2000. Биографический словарь: В 3 т. М., 2010. Т. 2: Л—Р. С. 245—246; *Посадский А. В.* Иван Федорович Наживин: писатель о революции // *Наживин И. Ф.* Записки о революции. 1917—1921. М., 2017. С. 7—32.

пингвинов» (1908). В нем история Франции, от времен ее первых королей и до XX века, была изображена в жанре сатирической притчи — повествования о судьбе государства неких условных животных — пингвинов, которым автор придал черты национального характера французов. Среди более отдаленных жанровых предтеч «Собачьей республики» надо назвать роман Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» (1726). В четвертой части произведения главный герой посещал утопическую страну благородных гуигнгнмов (лошадей), антиподами которых были «еху» — люди, лишённые духовной природы.

Роман «Собачья республика» был написан в 1927 году, фактически к 10-летию юбилею Второй русской революции. В центре повествования был рассказ о трагическом конце одного сообщества, располагавшегося на территории России и практически бывшего как бы «государством в государстве», — «мира русской охоты».

Кого Наживин считал ответственным за то, что произошло с Родиной в 1917 году? В памфлете «Национальная слава и национальный позор» он писал:

Отправной точкой новой истории Великой, Единой, Неделимой России должен быть не молебен, не панихида, — единственное занятие, которому полумертвая эмиграция предается с увлечением, а историческая правда <...> Что было сделано для России положительного за последнее катастрофическое и позорное царствование. Вот: 1. — Золотая реформа г. С. Ю. Витте <...> 2. — Гениальная земельная реформа П. А. Столыпина <...> Это все. И этого очень много. Но все это потонуло в пучине царственной глупости и преступлений, завершившихся ужасной революцией. <...> Этот лживый культ ничтожества <...> Николая II, <...> он захватывает в бледные лучи поддельной славы и разных многожды битых «вождей», начиная от верховного «Николаши» <...> Нельзя идти за знаменами бездорожья, выпачканными во всякой грязи, нельзя искренно считать вождями много раз оскандалившихся генералов.

<...> Не Николай II, не Николаша, больше доезжачий и матерщинник, чем военначальник <sic! — А.Г.>...⁵

Общеизвестным просторечным прозвищем «Николаша» писатель именовал великого князя Николая Николаевича (Младшего), с 1914 по 1915 год бывшего Верховным Главнокомандующим русской армией. Именно на его бездарное командование многие современники, и в их числе Наживин, возлагали вину за следовавшие в начале войны потери Россией значительных территорий, а также за гибель военных и гражданских лиц.

К сожалению, на данное время материалов, связанных с работой писателя над романом «Собачья республика» (планов, подготовительных материалов, черновики), — не выявлено. Однако можно предположить следующее. Когда Наживин задумал создать произведение к 10-летию юбилею «национальной катастрофы», одним из отнюдь не рядовых виновников которой был великий князь Николай Николаевич (Младший), то непосредственным толчком к воплощению его замысла стало знакомство писателя с трудом Дмитрия Павловича Вальцова (1850–?): «Псовая охота Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича в с. Першине. Тульской губ. 1887—1912 гг.».⁶ Эта книга, созданная управляющим делами Великого князя — специалистом-охотоведом и кинологом-селекционером мирового уровня, «описывала крупнейшую по размерам и образцовую по содержанию комплексную охоту, организованную в охотничьем имении великого князя Н. Н. Романова. В Першинской охоте разводились и содержались в образцовых условиях породистые борзые и гончие собаки, а также кабардинские и полукровные английские верховые лошади для преследования зверей

⁵ *Наживин Ив. Ф.* Национальная слава и национальный позор (о Николае II) // «Независимый» (Брюссель). 1933. № 5. С. 7–8, 11–12, 19–20.

⁶ *Вальцов Д. П.* Псовая охота Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича в с. Першине. Тульской губ. 1887—1912 гг. СПб., 1913. 186 с.

во время псовой охоты. <...> Першинские собаки участвовали и неизменно занимали призовые места в различных выставках и показах („садках“) работы собак на скорость по зайцу и на злобу по волку. <...> Першинская охота стала вершиной русского „собаководства“ как по уровню селекционной работы и получаемым результатам, так и по устройству псарни и содержанию собак, а также по масштабам». ⁷ Благодаря подвижнической работе Вальцова, а также непосредственной заинтересованности и серьезным капиталовложениям великого князя Николая Николаевича (Младшего), в имении последнего был создан лучший в России комплекс, объединивший усилия людей и животных в благородном искусстве охоты. В написанном со знанием и любовью труде Вальцова подробно рассказывалось о псарном дворе, о щенятниках, о дворце, всецело приспособленном для целей охоты; была представлена краткая история создания комплекса и дана яркая картина одного охотничьего дня в Першино. Вся книга пронизана глубоким чувством любви к природе, ощущения единения с ней, равно присущего и охотникам, и их товарищам — собакам.

Время действия романа «Собачья республика» — примерно с 1913-го по 1917 год. Герои — собаки и люди. Изображенные в произведении животные как в зеркале отражают основные для автора слои русского дореволюционного общества. Это — элитные охотничьи собаки («дворянство») — «Добрыня», «Светлана», «Бульба», «Карай», «Додон» etc. Часть их кличек Наживин взял из упомянутой выше книги Д. П. Вальцова, а одну («Карай») — из посвященных охоте глав романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Также среди героев дворовые собаки («крестьяне») — «Каток», «Цыган», «Рябчик», «Пират» и «Зизи» — изнеженная собачка царской фаворитки, балерины Шестаковской (ее прототипом была М. Кшесинская). Городские низы изображены в фигурах люмпенов-интеллектуалов из «собачьей коммуны»

⁷ Полозов Е. М., Немова С. Н. Д. П. Вальцов и Першинская охота. К 160-летию со дня рождения Д. П. Вальцова. Тула, 2010. С. 6.

на муниципальной свалке (в их образах можно усмотреть скрытый намек литератора на «философствующих босяков» — персонажей горьковской пьесы «На дне»).

По жанру произведение Наживина представляет собой прихотливое и отчасти эклектичное соединение нескольких романских типов. Один из них — это роман странствий. Главным героем «Собачьей республики» является беспородный пес «Седой» — бродяга, вечно жаждущий познания нового. Повествование о бесконечных скитаниях «Седого» имеет скрытые коннотаты с романом Сервантеса о странствующем рыцаре Дон-Кихоте. Столь излюбленная в литературе Серебряного века оппозиция Любви земной и Любви небесной (Альдонсы и Дульсинеи) — в анималистической форме возникает и в романе Наживина в виде антитезы плотской страсти «Седого» к дворняге «Судорге» и возвышенной любви к «царице его сердца» — породистому пойнттеру «Светлане».

Основное произведение, образами которого вдохновлялся Наживин, — это «Война и мир» Л. Н. Толстого. Писатель взял из романа-эпопеи толстовскую трактовку темы охоты, представленной в посвященных ей главах произведения. Образы основных положительных героев Наживина (старого князя, его верного слуги — охотника Егорыча и его дочери — княжны Сони) генетически связаны с персонажами Толстого: графом Ильей Андреевичем Ростовым, охотником Данилой, Наташей.

В романе «Собачья республика» каждый страт русского общества первоначально как бы застыл в мифологической константности своего бытия. Наиболее целостными (и также восходящими к роману Толстого) локусами этого, казалось бы, неизменного мира предстают московский особняк и имение старого князя — страстного охотника и кинолога. Примечательно, что Наживин расположил вымышленную усадьбу своих героев на территории своей родной Владимирской губернии и окружил ее знакомыми ему с детства реальными деревьями. Бытие «семейства Ростовых» начала XX века представлено глазами собак. Так,

например, описание пользующейся духами Сони дано через восприятие девушки одним из четвероногих обитателей дома: «Она была легка и изящна, почти как „Светлана“, у нее были бездонные и теплые голубые глаза, но, к сожалению, от нее всегда неприятно — потому что слишком сильно — пахло чем-то вроде цветов».⁸ Собаки видят в Соне, князе и других обитателях дома органическую часть *своего*, единого с человеком мира. Жизнь московского дома и усадьбы старого князя основана на патриархальных и гармоничных отношениях между хозяевами, слугами и животными. Апофеоз их общего «роевого» бытия — охота.

Используя в качестве источника романа книгу о знаменитой Першинской охоте великого князя Николая Николаевича (Младшего), Наживин взял из этого сочинения двух реальных героев, на основе которых он создал два главных антагонистичных образа-символа своего произведения. Первый из них — основа мировой славы Першинской охоты — собаки; второй — их владелец — великий князь. Последний выведен в романе под прозрачным псевдонимом: «князь Никита».

Этот персонаж — одно из действующих лиц наживинского повествования и одновременно это обобщенный образ людей, стоявших у власти. В связи с избранным писателем ключевым символом, формирующим притчевую структуру романа, олицетворяемая фигурой князя Никиты преступная суть правивших страной верхов проявляется в его бессмысленной жестокости по отношению к собакам. Так, именно он разрушил тщательно подготовленную охоту, на которую его пригласил старый князь. После ее окончания князь Никита забрал с собой пса Петра — единственного человека, чуждого царившим в усадьбе гармоническим законам «мира охоты», ненавидящего животных, но работавшего с ними ради своих корыстных интересов.

⁸ *Наживин Ив. Ф.* Собачья республика. Тяньцзин, 1935. С. 11. Далее цитируется в тексте по этому изданию: *Собачья республика* с указанием страницы.

Изображая князя Никиту — персонажа, имеющего прямого прототипа, Наживин намеренно соединил в своем повествовании вымысел и нарочитые отсылки к реальным источникам (документальной прозе). Анализ текста «Собачьей республики» показал, что в период работы над романом писатель прочел много мемуаров и публикаций писем, относившихся к отображаемому им времени. В частности, он изучал книгу «Воспоминания: царствование Николая II» С. Ю. Витте, который весьма негативно писал о царе, его окружении, и в том числе о Николае Николаевиче (Младшем). Как уже говорилось, в романе князь Никита неоднократно совершает жестокие поступки по отношению к животным. И вот, изображая один из них — совершенное этим антигероем на перроне Царскосельского вокзала ничем не мотивированное убийство сопровождавшей его борзой собаки, — Наживин сделал свидетелем этого, по сути, преступления С. Ю. Витте. Возмущенный увиденным, тот решил обязательно упомянуть об этом случае в своих записках.

Мифологическую статику мира «Собачьей республики» разрушила Первая мировая война. Наживин изначально относился к войне 1914 года без ура-патриотических иллюзий. Находясь в Европе, он мог наглядно наблюдать гибельность происходившего для всех сторон разгоревшегося конфликта. В своем романе писатель представил войну глазами оказавшегося на ней пса «Седого». Его «сотоварищем» по странствиям стал солдат Федька — крестьянский парень из деревни, расположенной рядом с поместьем старого князя. Вместе с «Седым» он оказался в плену. Там и человек, и собака встретили своих «соплеменников» (семью крестьян-баварцев, пса-подрывника Неро). Возникшие между ними взаимоотношения показали, что война была не нужна никому из тех, кто оказался втянут в нее преступными правителями. В 1917 году и Федька, и Петр воротились с фронта в родную деревню. Первый из них, действительно, доблестно воевал и получил за совершенный им подвиг *один* георгиевский крест.

Бывший псарь Петр вернулся с *пятью* (sic!) солдатскими георгиевскими крестами, заслуженно получить которые было невозможно по статуту награды и которые, скорее всего, были просто сняты мародером с погибших. Этим художественным «жестом» писатель еще раз подчеркнул преступность натуры этого антигероя.

Наживин показал революционные события февраля 1917 года и большевистский переворот в Петрограде также через судьбы животных. Гибель живого существа — бессмысленно-жестокая смерть собачки балерины — становится чем-то вроде увеличительного стекла, через призму которого получают свою моральную оценку и мародерский захват большевиками дворца Шестаковской, и бесчинства «распропагандированной» толпы на улицах Петрограда.

Кульминация романа «Собачья республика» — расправа «революционно настроенных» матросов и солдат-дезертиров над старым князем, его верным Егорычем и его животными. В художественном пространстве произведения Наживина сцена зверского самосуда стала развернутой метафорой разрушения «мира русской охоты», разрушения, осмысляемого как символ гибели России. Во главе погромщиков — Петр, воспринявший «идеалы революции» в свете своей личной выгоды:

И один за другим на старых березах вокруг красивой золотистой церкви повисли «Карай», «Баян», «Плакса», «Добрыня» и «Бульба»... «Светлана» в последнее мгновение вырвалась было из рук совершенно озверевших людей, но ражий матрос с серьгой в ухе и с глазами разъяренного медведя ударил в нее из винтовки и перебил ей пулей обе передние ноги. Завизжав, она ткнулась прекрасной головой в талый, грязный снег. Она ничего не понимала: была такая милая, теплая, интересная жизнь, и вот те люди, которых она так любила, делают с ней такой ужас!.. Всю окржавленную, ее поволокли за хвост под березы, и она повисла рядом с уже неподвижным «Добрыней». Кровь быстрыми бусинками капала с ее перебитых ног в снег.

— А теперь холоя... — задыхаясь, указал на Егорыча Петр.

Сперва всех отшатнуло было, но матросы бросились к старику, и в миг кривоногий Егорыч повис над весенней, готовящейся к жизни землей.

— А теперь и самого лобана... Посередке, хозяином!..

Князь едва успел перекреститься, как жесткая веревка уже сдавила ему шею, и он резкими порывами пошел вверх... (*Собачья республика*. С. 265).⁹

В отображении конца «мира Ростовых» Наживин опирается на реальные факты погромов и грабежей дворянских усадеб. Они прокатились по стране после февральских революционных событий и сопровождались зверствами и вандализмом. Для писателя убийства людей и животных, разграбление, уничтожение хранившихся в имениях исторических и художественных артефактов являлись доказательствами бесчеловечности нового режима, за время от Февраля до Октября 1917 года лишь откорректировавшего свой облик.

Два странника-правдоискателя — Федька и пес «Седой» — оказывались невольными свидетелями самосуда в усадьбе старого князя. Человек безуспешно пытался предотвратить расправу, а пес с ужасом видел гибель животных, и в том числе «царицы его сердца» — «Светланы». Чуть ранее в Петрограде те же очевидцы наблюдали символическую сцену, когда почувствовавший себя новым «хозяином жизни» бывший псарь Петр взгромождался на памятник Петру Первому. Этой символической сценой Наживин иносказательно маркировал наступление нового этапа в истории России. Создавая образ псаля Петра, Наживин одновременно и «обыгрывал», и как бы

⁹ Примечательна корреляция этой сцены с финалом рассказа И. А. Бунина «Последний день» (1913), в котором дворянин Воейков, расстающийся с проданной усадьбой, приказывал работнику Петру (sic!) напоследок удушить и развесить на деревьях всех своих собак.

«отталкивался» от слов поговорки: жалует царь, да не жалует псарь.

Финал романа — смерть «Седого» и уход Федьки в лес, прочь от мира людей, — был также метафорическим отражением негативной авторской оценки революции 1917 года.

Роман «Собачья республика» был впервые опубликован в 1931 году на английском языке под названием «The Dogs» («Собаки»). Подобный неточный перевод также подтверждает тот факт, что в оригинальном заглавии не было попытки, используя сниженную семантику слова «собачья», негативно обозвать государство, на 1927 год существовавшее на месте бывшей Российской империи — Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Издание произведения на русском языке Наживин сопроводил приложением — переводами избранных отрывков из 48 положительных отзывов английской, американской, канадской и австралийской прессы.¹⁰ Приведем только два из них:

Рассказать историю русской революции с точки зрения нескольких собак может показаться бессмысленной затеей, но как раз это делает Наживин в своих «Собаках» и — создает прекрасный роман («Journal» (Middletown). 1931. 26 april).

Автор дал нам подлинную новинку в своем романе, в котором главными героями выступают собаки, и мы на их судьбах видим падение великой Империи («Montreal Daily Star». 1931. 28 february).

Судя по отзывам (правда, отобранном самим автором), иностранные рецензенты высоко оценили роман, отметили оригинальность его темы и тесную связь с русской классической литературой. Издание «Собачьей республики» на родном языке автора осталось незамеченным критикой русской эмиграции.

¹⁰ См.: «Собачья республика». С. I—VII. Далее отзывы цитируются по этому источнику без указания страницы.

На данном этапе изучения наследия Наживина неизвестно, насколько писатель был осведомлен о печальной судьбе реальной Першинской охоты. Она была значительно свернута после начала Первой мировой войны, когда великий князь уже не мог лично участвовать в охотах и финансировать першинское хозяйство. В тот момент некоторые элитные собаки были проданы в Чехию. Судьба оставшихся оказалась не столь благополучной: часть животных попала к местным крестьянам, что случилось с остальными — источники умалчивают. После революции 1917 года владелец имения и его управляющий эмигрировали из России. В 1919 году в першинском дворце, где были собраны многочисленные охотничьи трофеи и предметы интерьера с изображениями собак, образовали музей охоты и быта. Он просуществовал до 10 октября 1926 года. После закрытия музея большая часть его экспонатов была утрачена, а сам дворец заброшен. Практичные власти дали указание разобрать здание на кирпичи, что не удалось сделать вследствие прочности кладки. Тогда было приказано сбросить куски разломанных стен в реку Упу,¹¹ чтобы даже память о Першинской охоте в буквальном смысле этого выражения канула в Лету. Однако уже в 1927 году ее удивительный образ воскрес в романе Наживина, для которого «мир русской охоты» был земным отблеском утопии гармоничного сосуществования человека и природы.

¹¹ См. подробнее: *Кузнецова Е. И.* Имение Першино — опыт исторической реконструкции // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2013. № 1. С. 71—77; *Жеребятьев Д. И., Ионова П. А.* Виртуальная реконструкция усадьбы Першино — уникального памятника дворянской культуры конца XIX — начала XX в. // *Историческая информатика.* 2014. № 4. С. 31—49.